

УДК 347.424

Быченок Полина Сергеевна
Южно-Российский институт управления
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Юридический факультет

Россия, Ростов-на-Дону

polinabychenok@gmail.com

Bychenok Polina Sergeevna

South Russian Institute of Management

Branch of the Russian Academy of National Economy and
Public Service under the President of the Russian Federation

Law faculty

Russia, Rostov-on-Don

РАСПРОСТРАНЕНИЕ COVID-19 КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ В КОНТЕКСТЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация: статья направлена на анализ применения п. 3 ст. 401 Гражданского Кодекса Российской Федерации в существующих реалиях пандемии коронавируса. Изучены нюансы, которые вызваны спецификой сложившейся эпидемиологической и экономической обстановки. Рассмотрены важнейшие акты органов исполнительной и судебной власти, влияющие на признание пандемии коронавирусной инфекции обстоятельством непреодолимой силы. Также особое внимание уделено соотношению особенностей освобождения от ответственности с необходимостью сохранения сущности гражданско-правовых институтов.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, пандемия коронавируса, непреодолимая сила, обязательственное право, исполнение

обязательства, освобождение от ответственности, предпринимательская деятельность.

THE SPREAD OF COVID-19 AS THE CIRCUMSTANCE OF FORCE MAJEURE IN THE CONTEXT OF EXEMPTION FROM CIVIL LIABILITY

Annotation: the article is focused on the analysis of the application of article 401, paragraph 3 of the Civil Code of the Russian Federation under current realities with the respect to the coronavirus (Covid-19) pandemic. Special attention was given to the nuances of the prevailing epidemiological and economic situation. The most important normative instruments issued by the executive and legislative authorities and affecting the acknowledgment of Covid-19 pandemic as force majeure have been thoroughly examined. Particular emphasis was given to the interrelationship between specificities of exemption from liability and the need to preserve the original meaning of civil law institutions.

Key words: civil liability, coronavirus pandemic, force majeure, law of obligations, performance of an obligation, exemption from liability, business activities.

Пандемия коронавируса – это тема, которая сейчас является наиболее обсуждаемой и важной в общемировом масштабе. Введение всеобщей самоизоляции, запреты либо ограничения на осуществление деятельности в ресторанном, туристическом, гостиничном бизнесе, сфере красоты, авиа-, железнодорожных и иных перевозках, а также во многих других ранее успешно развивающихся индустриях, массовый перевод сотрудников на удаленный формат работы, резкое и существенное изменение рыночной конъюнктуры, закрытие границ – с этими и многими другими проблемами на сегодняшний день вынуждены сталкиваться как граждане, так и компании. Удар, который нанесен экономике порождаемыми распространением вируса сложностями, ощущается крайне остро, а в совокупности с другими финансовыми обстоятельствами, произошедшими в нашем государстве за последние несколько месяцев (падение цен на нефть, снижение курса рубля) – ситуация

становится ещё более тревожной. Высказаны многочисленные предположения о том, как мир и общество преобразятся в результате воздействия пандемии. Согласно прогнозам, преимущественная часть общественных институтов будет перестроена, и привычную для нас картину мира уже будет невозможно вернуть, что откроет для цивилизации «путь к новой реальности».

Роль права как одного из ведущих социальных регуляторов в сложившейся обстановке нельзя преуменьшить. Перед законодателем, судебным и юридическим сообществом России встаёт широкий спектр проблем как публичного, так и частноправового характера. Одним из аспектов, создающих наибольшее число вопросов, является исполнение договорных обязательств. Нормальное, стабильное функционирование имущественного оборота сейчас нарушено многочисленными препятствиями, которые не позволяют участникам своевременно и качественно выполнять возложенные на них обязанности. В связи с этим закономерно возрастает интерес к гражданско-правовому институту освобождения от ответственности вследствие действия непреодолимой силы – п. 3 ст. 401 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) – также называемому «форс-мажором». Как известно, предприниматели, в отличие от других субъектов, отвечают по своим обязательствам «на началах риска», то есть несут ответственность даже за случайное, невиновное нарушение [1, с. 373]. Но даже подобная строгость к профессиональным коммерсантам не может простигаться безгранично, она находится в определенных рамках, которыми и выступают обстоятельства непреодолимой силы. Рассмотрение возможности применения вышеуказанного пункта в условиях окружающей нас экономической, эпидемиологической и политической обстановки представляется крайне актуальным.

Сторонам обязательства предоставлена возможность в своем соглашении предусмотреть особые основания освобождения от ответственности или иные последствия наступления обстоятельств непреодолимой силы. Свобода здесь ограничивается запретом на освобождение от ответственности за совершение умышленного нарушения, установленного п. 4 ст. 401 ГК РФ, а также общими

представлениями о возможных границах усмотрения сторон. Ещё И. А. Покровский в своем фундаментальном труде «Основные проблемы гражданского права» отметил, что затруднения, связанные с осуществлением принципа договорной свободы, приобретают особо острый характер, когда дело касается отношений экономических [2, с. 260]. На практике стороны зачастую не уделяют должного внимания подобным пунктам и не определяют механизм развития их отношений в случае наступления тех или иных непредвиденных обстоятельств. Если же контрагенты согласовали свою волю по данным вопросам, их положение становится более предсказуемым. Когда в договоре присутствует пункт, обозначенный сторонами как перечень обстоятельств непреодолимой силы, возникает следующий вопрос: субъекты имели в виду, что возникновение подобных обстоятельств в любом случае служит основанием освобождения от ответственности (или других предусмотренных сторонами возможных последствий), или же правовой эффект наступает лишь при доказанности соответствия таких обстоятельств критериям форс-мажора [3, с. 710]? С одной стороны, нужно ориентироваться на намерения сторон и цель, для достижения которой они включали в договор подобные условия: если контрагенты явно стремились очертить круг обстоятельств, наличие которых влечет неприменение норм об ответственности, такая воля должна трактоваться прямо, даже когда допущены ошибки в понимании истинного смысла института форс-мажора. С другой стороны, речь идет о профессиональных участниках оборота, и анализ их соглашений со ссылками на возможное незнание и некомпетентность кажется неверным, так как в некоторой степени нивелирует саму ценность статуса предпринимателя. Ответ требует дальнейшего уточнения доктриной и судебной практикой, а наиболее оптимальным подходом сейчас представляется презумпция таких обстоятельств в качестве непреодолимой силы с наделением кредитора правом по доказыванию обратного. Если же подобные пункты договора сформулированы настолько противоречиво и неясно, что понять их смысл посредством буквального, системного и субъективного толкования не представляется

возможным, суду следует прибегнуть к принципу *contra proferentem*, что влечет толкование в пользу интересов принявшей предложенные другой стороной условия [3, с. 941].

Если сторонами не согласованы условия об обстоятельствах непреодолимой силы либо прямо не прописана возможность ссылаться на пандемию, это не лишает контрагентов права обращаться к конструкции форс-мажора в судебном разбирательстве.

По общему правилу, форс-мажор не освобождает должника от исполнения возложенной на него обязанности и не прекращает обязательство, но при доказанности служит основанием для освобождения от ответственности в обязательствах при осуществлении предпринимательской деятельности, в частности, от возмещения убытков или оплаты неустойки как наиболее распространенных её форм. При этом обстоятельства непреодолимой силы должны обладать двумя ключевыми характеристиками: чрезвычайность, то есть исключительность, несвойственность наступления в аналогичных привычных условиях, и непредотвратимость – невозможность избежать наступления или его последствий в рассматриваемой деятельности [4, п. 8]. Как отметил Е. А. Павлодский, непреодолимая сила – это столь чрезвычайное явление, что, даже будучи предвидимой, не может быть предотвращена [5, с. 77]. Доказывание этих аспектов (*onus probandi*) ложится на должника и в рамках пандемии обретает специфику.

Следует заметить, что под «пандемией коронавируса» в рамках изучения правового эффекта п. 3 ст. 401 ГК РФ понимается не только распространение вирусной инфекции как объективное эпидемиологическое явление, но и принятые органами государственной власти и местного самоуправления ограничительные и запретительные меры. Они представляют собой социальное явление и носят рукотворный характер. Государственная политика является опосредованной, в некоторой степени субъективной формой реакции на существующую обстановку – это подтверждается разнообразием, которое мы видим, сравнивая пути реагирования (включающие как профилактические

меры, нацеленные на предотвращение заболеваемости среди населения, так и способы поддержки экономики) в России и в других государствах. Помимо общих мер (например, ограничение передвижения физических лиц и закрытие границ), имеют место и существенные различия в масштабах, сроках и формах проводимых мероприятий. Выбор модели поведения основывается, помимо эпидемиологической обстановки, также на необходимости достижения политических и экономических целей и характерного для какого-либо государственного аппарата механизма борьбы с кризисными ситуациями. В связи с этим, ориентация на зарубежный опыт преодоления возникших сложностей не может стать правильным решением, так как требуются индивидуальные, существующие в комплексе с иными элементами государственного регулирования подходы и методы. Ещё одна проблема обусловлена тем, что существующее на современном этапе положение поставило частноправовое регулирование в некоторую зависимость от публично-правовых решений, что нетипично для нормальных условий оборота. Отсутствие опыта такого взаимодействия и чрезвычайность обстановки требуют оперативных и в то же время продуманных законодательных и судебных решений, а также особого внимания к понятийному аппарату.

Последний аспект связан с тем, что даже идентичные, на первый взгляд, термины могут быть наделены неодинаковым смыслом в частноправовых и публично-правовых актах, и отождествлять их, предварительно не убедившись в допустимости подобного толкования, не следует.

Указом мэра Москвы установлено, что распространение новой коронавирусной инфекции является чрезвычайным и непредотвратимым обстоятельством, повлекшим введение режима повышенной готовности, который является обстоятельством непреодолимой силы [6, п. 1.6]. Данное положение, трактовка которого на первый взгляд кажется предельно понятной, вряд ли может обладать прямым действием. Полномочия мэра по такой императивной, всеохватывающей квалификации события как обстоятельства непреодолимой силы – элемента гражданского законодательства, которое

является исключительным предметом ведения Российской Федерации [7, ст. 3] и не предусматривает возможность вторжения на региональном уровне – вызывают серьёзные сомнения. Подобное мнение, как и аналогичные ему высказывания представителей власти других субъектов РФ, не имеет большую юридическую ценность для гражданского регулирования и разрешения споров судом. Судебная практика также демонстрирует, что позиция исполнительной власти не является достаточным основанием для квалификации в ходе разбирательства обстоятельства как форс-мажора [8]. Следовательно, аргументация с опорой на Указ может служить одним из элементов формирования судебной позиции, но не определяющим для исхода дела аргументом.

Схожее с актами публичных отраслей права место в системе доказательств занимают выданные Торгово-промышленной палатой РФ (далее – ТПП) свидетельства об обстоятельствах непреодолимой силы: подобные полномочия традиционно присущи ТПП только в отношении внешнеторговых контрактов, но сейчас сфера действия расширена и на внутренние договоры. По своей природе свидетельства являются формой фиксации каких-либо внешних обстоятельств. Несмотря на пункт о том, что положительное решение о свидетельствовании принимается для каждого конкретного случая лишь при соответствии всем необходимым критериям непреодолимой силы и наличии причинно-следственной связи между событиями и невозможностью исполнения в установленные сроки [9, п. 4.1], следует понимать субъективность такой характеристики. Придание обстоятельству статуса непреодолимой силы является исключительной привилегией суда, и для судебного разбирательства никакое решение, кроме принятого в процессуальном порядке, не играет определяющей роли. Как и нормативные акты государственной власти субъектов федерации, мнения иных органов выполняют дополняющую функцию, назначение которой – в придании уверенности стороне, на которой лежит доказывание. По статистике, предоставленной Московской ТПП, из более двух тысяч поданных на 29 апреля

2020 года заявлений, около 70% не были удовлетворены [10]. Одной из причин их возвращения заявителям является отсутствие в договоре оговорки о форс-мажоре в целом и (или) о пандемии как форс-мажоре в частности. Здесь следует обратить внимание на п. 4 ст. 422 ГК РФ, который гласит, что при отсутствии соглашения, условие договора определяется диспозитивной нормой, где последней как раз и выступает п. 3 ст. 401 ГК РФ. Не углубляясь в анализ причин и последствий того, что функционирование ТПП явно не соотносится с вышеприведенным положением, следует акцентировать внимание на следующем. Свобода договора, которая признается и гарантируется как один из главенствующих частноправовых принципов, не может распространять своё действие на процессуальную сферу. Поэтому наличие в договоре пунктов, где стороны заранее предусмотрели наличие свидетельства ТПП как однозначного подтверждения форс-мажора, не будет принято судом во внимание и не лишает стороны права ссылаться на иные доказательства.

Пандемия коронавируса, несмотря на резонансный характер для общества и экономики, не является универсальным поводом для освобождения от ответственности и, как любые другие обстоятельства непреодолимой силы, не может быть квалифицирована в таком качестве при абстрактных условиях. Для вынесения решения необходимо изучение судом каждого отдельно взятого случая и оценка доказательств по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств [11, ст. 67]. Никакие внешние выводы не могут абсолютно точно предопределить судебное усмотрение.

Обязательным является наличие доказанной причинно-следственной связи между обстоятельствами, которые представлены ответчиком как «непреодолимая сила», и его невозможностью произвести надлежащее исполнение. При этом невозможность исполнения и действие непреодолимой силы не могут быть отождествлены между собой, так как это сделало бы бессмысленной правовую природу форс-мажора и цели, преследуемые изучаемой статьей. Как кажется, на суды будет возложена сложная и

кропотливая работа. Необходимо провести разграничение между обязательствами, на которые пандемия повлияла непосредственно и косвенно.

К первым мы можем отнести те, исполнение которых стало невозможным вследствие введенных императивных юридических ограничений: неспособность арендодателя предоставить арендатору доступ к помещению и обеспечить для него правомочия по владению и пользованию, невозможность осуществить международные перевозки из-за закрытия границ или оказать медицинские услуги вследствие временного перепрофилирования учреждений здравоохранения для лечения пациентов с коронавирусной инфекцией. Опосредованное воздействие выражается, например, в неспособности выплатить контрагенту установленную договором сумму из-за падения доходов, которое произошло по причине снижения интереса граждан к посещению общественных мест ещё до введения всеобщей самоизоляции, когда такая возможность имелаась.

Непосредственное воздействие имеет временные рамки и должно отсчитываться, как кажется, с момента введения в субъекте РФ режима повышенной готовности. Влияние высказываний представителей власти, которые носили рекомендательный характер и были направлены на информирование о возможных способах самостоятельной профилактики, иррелевантно в разрешении дела, так как предоставляют субъектам свободу выбора - подобное изменение спроса сопряжено с характеризующим предпринимательскую деятельность риском и не обладает признаком чрезвычайности.

Внимание также должно быть обращено на то, были ли предприняты должником действия для того, чтобы исполнить обязательство вопреки причиненным пандемией неудобствам, и если да, то какие именно. Чтобы субъект мог быть освобожден от ответственности, он должен действовать добросовестно, что в сложившихся условиях предполагает активизацию должником всех доступных, разумных и экономически обоснованных усилий.

П. 3 ст. 401 ГК РФ прямо регламентирует, что отсутствие денежных средств к обстоятельствам непреодолимой силы не относится, поэтому, по общему правилу, понесенные должником экономические убытки не могут считаться основанием освобождения от ответственности. Однако, в связи с особо резонансным характером экономической ситуации в стране, Верховный суд в своем Обзоре утвердил обратное [12], благодаря чему положение неплатежеспособных должников может улучшиться. Примечательно, что отсутствие денежных средств может быть воспринято как обстоятельство непреодолимой силы в случае, когда любой разумный и добросовестный предприниматель в такой же деятельности не мог бы избежать аналогичного результата. Расширение сферы распространения п. 3 ст. 401 ГК РФ кажется однозначно верным и прогрессивным решением, но вызывает ряд вопросов. Высокая доля судебного усмотрения при разрешении споров будет обусловлена необходимостью осуществлять сравнение. Каждое предприятие даже в одной отрасли проявило разные адаптационные возможности: к примеру, некоторые организации общественного питания получают прибыль почти в том же размере, как и до введения режима самоизоляции, успешно реализуя свою деятельность в формате «на вынос» и с помощью доставки, тогда как доходы их конкурентов существенно упали. На кого будут ориентироваться суды? Ответ пока не ясен. Представляется, что сравнительный метод не сможет выполнить поставленные задачи, если деятельность контрагента не стандартизирована и не имеет на рынке большого числа аналогов, с которыми можно будет соотнести возможность по предоставлению надлежащего исполнения. Следовательно, опираться придется исключительно на стандарт разумности и осмотрительности и на разграничение рисков, которые относятся к характеру предпринимательства и тех, которые связаны с пандемией.

Ещё одна проблема вызвана тем, что в Обзоре не даны разъяснения относительно отсутствия на рынке нужных товаров и нарушения обязанностей контрагентами должника. Из буквального прочтения явствует, что воля Президиума Верховного Суда не может быть истолкована расширительно.

Выбранная Судом позиция не совсем ясна и не кажется логичной: вышеприведенные обстоятельства по своему значению и правовой природе близки с отсутствием денежных средств. Поэтому более верным и рациональным для периода пандемии допустить использование всех трех факторов, представленных в п. 3 ст. 401 ГК РФ как исключения. Сейчас нормальный имущественный оборот колоссально нарушен, что требует не частичного, а полного реагирования, в том числе в форме временного пересмотра регламентации обязательственных связей с целью поддержать как субъекты, так и общее состояние экономики.

Однако следует понимать, что расширение сферы действия норм об обстоятельствах непреодолимой силы не должно носить бесконтрольный характер. Каждое отступление от складывающихся десятилетиями привычных границ должно сопровождаться убедительными основаниями и распространяться на строго ограниченный временной отрезок. Несомненно, в настоящее время широкий круг лиц заинтересован в том, чтобы минимизировать негативное влияние сложившегося положения. Но гражданское право – это сформированная комплексная система, которая, конечно, должна идти в ногу со временем и соответствовать нуждам оборота, но в то же время не может быть переквалифицирована в безликое средство служения экономико-правовым реалиям. Возможно, в обозримых масштабах второй подход и мог бы принести некоторый положительный эффект, но в итоге он приведет к искажению понимания частноправовых институтов и нивелированию ценности цивилистики как таковой. Вопросы поиска грани между выверенными конструкциями и экономическими резонами сейчас стоят предельно остро. Наиболее оптимальным кажется сочетание тех послаблений, которые обоснованы в предыдущем абзаце, с высокими стандартами доказывания и недопущением злоупотребления правами. Также внимание должно быть уделено сохранению баланса интересов, который играет в обороте такую же важную роль, как и поддержка лиц, чье положение ухудшилось из-за влияния пандемии.

П. 3 ст. 401 ГК РФ – не единственный гражданско-правовой инструмент, который может быть применен в сложившейся обстановке. Особую актуальность будут иметь ст. 417 ГК РФ о прекращении обязательств на основании акта органа государственной власти или органа местного самоуправления, ст. 328 ГК РФ о возможности отказаться от обязательства при непредоставлении встречного исполнения, а также ст. 451 ГК РФ об изменении и расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Как кажется, вышеприведенные нормы формируют надежный и эффективный инструментарий, и под действие какой-либо из них попадают, если не все, то преимущественная доля тех споров, которые предстоит рассмотреть судам. Контрагентам, в свою очередь, следует понимать, что обращение в суд сопряжено с рядом издержек – и временных, и финансовых – поэтому более благоприятным будет разрешить все возникшие вопросы и противоречия посредством обсуждения.

Применение мер экстренного характера, которые урегулируют широкий круг обязательственных отношений, пострадавших от пандемии, должно стать объектом внимания государства как в экономических целях: иначе влияние сложившейся ситуации на организации и индивидуальных предпринимателей, в преимущественной части, грозит фатальным упадком доходов и обеднению рынка, так и с позиции политических убеждений: необходимо постараться усилить доверие к власти и уверенность, что она способна оказать поддержку в кризисные периоды. Но чтобы такая помощь не нарушила сформированную десятилетиями системность гражданского законодательства, разрешение дел должно опираться, в первую очередь, на юридическую точность и обоснованность.

Итак, пертурбационное влияние пандемии коронавируса на общественные отношения колоссально, и в их числе отдельно выделяются обязательственные правоотношения. Необходимость решения множества появившихся проблем определенно повысит востребованность норм о непреодолимой силе. Для их использования нужно установить четкую

взаимосвязь причины и следствия: неуклонное следование этому требованию позволит качественно защищать интересы контрагентов и не нарушать суть гражданско-правовых понятий, не смешивать их изначальное назначение с иного рода потребностями. Не вызывает сомнений, что рассмотренная проблема будет вызывать множество трудностей при применении, но также значительно украсит судебную практику множеством интересных примеров.

Список литературы:

1. Сарбаш С.В. Элементарная догматика обязательств: Учебное пособие / 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2020. 436 с.
2. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / 8-е изд. – М.: Статут, 2020. 351 с.
3. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2017. 1120 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств (в ред. от 07.02.2017) // «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2016. №5.
5. Павлодский Е.А. Избранное / Составители: Ю.Н. Кашеварова, М.Л. Шелютто. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. 160 с.
6. Указ Мэра Москвы от 14 марта 2020 г. N 20-УМ "О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. N 12-УМ" // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/43539220/> (дата обращения: 15.05.2020).
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст. 3301.
8. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от

29.01.2020 N 06АП-7921/2019 по делу N А04-3320/2019. // СПС «КонсультантПлюс». URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS006&n=71527#023392482689090377> (дата обращения: 31.05.2020).

9. Положение о порядке свидетельствования ТПП Российской Федерации обстоятельств форс-мажора, утвержденного постановлением Правления ТПП РФ № 173-14 от 23 декабря 2015 года. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192640/ (дата обращения: 31.05.2020).

10. Форс-мажор из-за коронавируса: вопросы и ответы // Московская ТПП. URL: <https://mostpp.ru/news/fors-mazhor/fors-mazhor-iz-za-koronavirusa-voprosy-i-otvety/> (дата обращения: 15.05.2020).

11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2002. №46. ст. 4532.

12. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28856/> (дата обращения: 15.05.2020).